

Политконсультант / Political Science and Technology <https://politicjournal.ru>

2026, Том 6, № 2 / 2026, Vol. 6, Iss. 2 <https://politicjournal.ru/issue-2-2026.html>

URL статьи: <https://politicjournal.ru/PDF/01PK226.pdf>

5.4.5. Политическая социология

Ссылка для цитирования этой статьи:

Тарасенко, В. В. Социологический поворот: истина как договор / В. В. Тарасенко // Политконсультант. — 2026. — Т. 6. — № 2. — URL: <https://politicjournal.ru/PDF/01PK226.pdf>.

For citation:

Tarasenko V.V. The sociological turn: truth as a contract. *Political Science and Technology*. 2026;6(2): 01PK226. Available at: <https://politicjournal.ru/PDF/01PK226.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 165.2:316.74:001.1

Тарасенко Владислав Валерьевич

ФГАОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет)», Москва, Россия
Кандидат философских наук, доцент
E-mail: v5093075@gmail.com

Социологический поворот: истина как договор

Аннотация. В статье анализируется эволюция понятия истины от классической корреспондентной теории к современным социологическим и конструктивистским концепциям. Рассматривается связь истины с проблемой демаркации научного и ненаучного знания, а также вопрос о монополии науки на истину. Особое внимание уделяется «сильной программе» Единбургской школы (Дэвид Блур, Барри Барнс), акторно-сетевой теории Бруно Латура, а также современным дискуссиям о пост-правде, маркетинговом конструировании истины и научной коррупции. Вводится концепция коммуникативной истины, реализуемой через организационные системы, на примере индекса Хирша как параметра порядка (в терминах синергетики Германа Хакена). Предлагается кантианская и гештальт-психологическая интерпретация маркетингового конструирования истины: индекс Хирша как трансцендентальный феномен, организующий социальное пространство-время, и перестройка фона для распознавания фигуры маркетинговой истины. На примере кейса с сахарной промышленностью демонстрируется, как селективный отбор фактов (cherry picking) создаёт иллюзию научного консенсуса, а также вводятся понятия «глобальная ошибка выжившего» и «антропная тень» для объяснения систематического искажения истины в симбиозе маркетинга и науки. Концепция «двойной паники» (Лескова) используется для объяснения того, как «истина как договор» распадается на множественные несовместимые конвенции в условиях цифровой поляризации и аномии. В заключении формулируются ключевые напряжённости между корреспондентной и конвенциональной теориями истины и предлагается различие онтологической и эпистемологической составляющих как возможный путь разрешения этих противоречий.

Ключевые слова: истина; договор; социальная эпистемология; сильная программа; конструктивизм; пост-правда; селективный отбор фактов; научная коррупция; демаркация науки; когнитивные искажения; фальсифицируемость; параметр порядка; ошибка выжившего; антропная тень; трансцендентальный феномен; гештальт-психология; двойная паника; социальная аномия

1. Проблема истины и её связь с пониманием знания

Вопрос о природе истины принадлежит к числу тех фундаментальных проблем философии, которые не утрачивают своей остроты на протяжении более чем двух тысячелетий. Что есть истина? Этот вопрос, вложенный евангелистом Иоанном в уста Понтия Пилата, остаётся открытым не потому, что на него невозможно ответить, но потому, что каждый ответ порождает новую цепочку вопросов о критериях, обосновании и границах применимости самого понятия истины.

Как отмечает современный эпистемолог Michael P. Lynch (University of Connecticut), истину следует понимать не как метафизическое свойство, а как «функциональное» понятие, которое служит цели координации убеждений и действий в демократическом обществе [1].

Столь же неразрывно связан с истиной и вопрос о знании: что значит знать?

Если знание традиционно определяется как обоснованное истинное убеждение, то понимание истины оказывается необходимым условием для демаркации знания от мнения, веры или заблуждения. Однако сам характер этой связи — является ли истина свойством пропозиций, соответствующих реальности, или же она выступает продуктом социальных соглашений, языковых игр и властных отношений — составляет предмет острейших эпистемологических дискуссий. Simon Blackburn (University of Cambridge), развивая квази-реализм и проективизм, утверждает, что эпистемические ценности не отражают реальность, а «проецируются» нашим сознанием, а истина — это не метафизическое свойство, а успех в языковой игре [2].

Не менее значима и проблема демаркации научного и ненаучного знания. Если истина понимается как соответствие фактам, то наука оказывается привилегированным институтом по производству таких соответствий.

Но если истина конвенциональна или релятивна, то граница между наукой и псевдонаукой размывается, и критерии демаркации сами становятся предметом социального конструирования.

Philip Kitcher (Columbia University), предлагая концепцию «хорошо упорядоченной науки» (well-ordered science), утверждает, что объективность науки обеспечивается не отсутствием предвзятости, а публичной критической дискуссией, включающей разнообразные перспективы [3]. Таким образом, ответ на вопрос об истине предопределяет не только философскую позицию, но и институциональную практику научного сообщества.

2. Истина приватизирована наукой?

Одним из наиболее острых вызовов современной эпистемологии является вопрос о том, не присвоила ли себе наука монопольное право на истину, исключив из легитимного дискурса иные формы познания — художественные, религиозные, мифологические или практические. Эта «приватизация» истины наукой имеет как позитивные, так и негативные последствия. С одной стороны, научный метод действительно продемонстрировал впечатляющую эффективность в предсказании и контроле природных процессов.

С другой стороны, сведение истины исключительно к научно-верифицируемым утверждениям приводит к «сциентистскому редукционизму», при котором любые высказывания, не удовлетворяющие критериям научности, объявляются бессмысленными или иллюзорными.

Helen Longino (Stanford University) в своей концепции критического контекстуального эмпиризма показывает, что объективность науки обеспечивается не отсутствием предвзятости, а публичной критической дискуссией, включающей разнообразные перспективы [4]. Она

утверждает, что «договор» об истине должен включать не только учёных, но и широкую общественность. Проблема, таким образом, заключается не в том, чтобы отрицать ценность научной истины, но в том, чтобы отказать науке в монополии на неё.

3. Классическая и гностическая традиции

В античной философии сложились две основные линии понимания истины, условно обозначаемые как классическая и гностическая.

Классическая традиция, восходящая к Аристотелю, определяет истину как соответствие высказывания действительности. В «Метафизике» Аристотель формулирует это понимание в знаменитом тезисе: «Истинно говорить о том, что есть, что оно есть, и о том, чего нет, что его нет». Эта корреспондентная теория истины на протяжении веков оставалась доминирующей в западной философии, поскольку она интуитивно понятна и соответствует повседневному опыту успешных высказываний.

В противовес классической традиции, гностическая традиция (II–IV вв. н.э.) связывает истину не с публично верифицируемым соответствием высказывания внешнему миру, а с сокровенным, эзотерическим знанием, передающимся от учителя к ученику в рамках закрытых мистических сообществ. Истина здесь понимается не как отношение между пропозицией и фактом, а как особое состояние посвящённого, которому открывается скрытая сущность божественного, космоса или собственной души.

Эта традиция, представленная такими фигурами, как Валентин, Василид и Маркион, оказала глубокое влияние на средневековую мистику (Мейстер Экхарт, Якоб Бёме), а через неё — на некоторые течения немецкого идеализма и романтизма (Фридрих Шеллинг, Франц фон Баадер).

В современной эпистемологии следы гностического понимания истины можно обнаружить в концепциях «личностного знания» (Майкл Полани), эзотерического интеллектуализма и теориях, подчёркивающих принципиальную невербализуемость и непубличность подлинного знания.

4. Новое время и Просвещение: Декарт, Поппер и критическая рациональность

Новоевропейская философия совершает решительный поворот от вопроса о том, что такое истина, к вопросу о том, как мы можем достичь достоверного знания.

Рене Декарт в «Размышлениях о первой философии» вводит методологическое сомнение как инструмент очищения познания от ложных мнений, усвоенных в детстве. Он сомневается в показаниях чувств, в реальности собственного тела и даже в существовании внешнего мира, находя единственно незыблемую опору в факте самосознания: *cogito ergo sum*. Истина для Декарта — это ясное и отчётливое восприятие, не оставляющее места для сомнения. Критерий истины перемещается из внешнего мира во внутреннюю структуру мыслящего субъекта [5].

Иммануил Кант совершает следующий шаг, который сам он называет коперниканским переворотом в философии. Он задаётся вопросом не о том, как наши познавательные способности соответствуют объектам, а о том, как объекты должны соответствовать нашим познавательным способностям, чтобы быть для нас познаваемыми. Истина, с точки зрения Канта, есть не соответствие вещи самой по себе (ноумена) нашему представлению, ибо вещь в себе принципиально непознаваема, а соответствие представления априорным формам чувственности и рассудка. Это означает, что истина конституируется познавательным

аппаратом субъекта, а не просто пассивно отражает внешнюю реальность. Кантовский трансцендентальный идеализм закладывает основы для последующего конструктивизма в теории познания [6].

Важнейший вклад в понимание механизма критики и демаркации науки внёс Карл Поппер, развивший идеи Декарта в ином направлении.

Декартовское сомнение было методологическим инструментом поиска незыблемых оснований, тогда как попперовская фальсифицируемость стала критерием демаркации между научным и ненаучным знанием. Согласно Попперу, научным является то утверждение, которое в принципе можно опровергнуть (фальсифицировать). Прогресс науки идёт через конкуренцию теорий: плохие теории отсеиваются в процессе критического обсуждения, а хорошие временно выживают, оставаясь открытыми для дальнейшей критики. Эта «критическая рациональность» означает, что истина никогда не дана нам окончательно — мы лишь приближаемся к ней через устранение ошибок [7].

В контексте конструирования истины попперовская фальсифицируемость работает как механизм, ограничивающий произвол социальных конвенций. Если научное сообщество договаривается считать истинным некоторое утверждение, но при этом оно в принципе не фальсифицируемо (например, утверждения астрологии или психоанализа в попперовской трактовке), то такой договор не может считаться научным.

Однако социальные конструктивисты справедливо указывают, что сам критерий фальсифицируемости не свободен от конвенций: выбор того, какие наблюдения считать опровергающими, а какие — аномалиями, не угрожающими ядру теории, также является предметом социального соглашения в рамках парадигмы.

5. Позитивизм: верификация и когеренция

Позитивистская традиция, напротив, пытается вернуть истину на твёрдую эмпирическую почву, отказавшись от кантовских «вещей в себе». Основным критерий истины для раннего позитивизма (Огюст Конт) — это верификация, то есть эмпирическая подтверждаемость высказываний фактами наблюдения. Не верифицируемое принципиально объявляется бессмысленным. Однако уже в рамках логического позитивизма (Венский кружок, Рудольф Карнап, Отто Нейрат) возникает проблема: сами критерии верификации не могут быть верифицированы эмпирически без порочного круга. Поэтому вводится дополнительный критерий когерентности — внутренней согласованности высказываний внутри научной теории.

Истина, таким образом, становится не только соответствием фактам, но и логической непротиворечивостью всей системы утверждений. Тем не менее, и верификационизм, и когерентизм сталкиваются с фундаментальной трудностью: ни то, ни другое не позволяют окончательно отличить истинную теорию от ложной, если обе внутренне непротиворечивы и подтверждаются имеющимися данными. Howard Sankey (University of Melbourne) — один из современных защитников научного реализма — настаивает на том, что истина — это соответствие объективной реальности, и что социальные конвенции не могут её заменить [8].

6. Корреспондентная и когерентная теории истины

Корреспондентная теория истины, восходящая к Аристотелю и развитая в новейшее время Берtrandом Расселом и ранним Людвигом Витгенштейном, утверждает, что истина есть отношение соответствия между пропозицией и фактом. Простейший пример: высказывание «снег бел» истинно тогда и только тогда, когда снег действительно бел. Однако эта теория

сталкивается с трудностями применительно к общим утверждениям («все лебеди белы»), к контрфактическим высказываниям («если бы я бросил камень, окно разбилось бы») и к абстрактным математическим истинам. Кроме того, корреспондентная теория предполагает некий «непосредственный доступ» к фактам, который, как показали и Кант, и позднейшие философы языка, проблематичен.

Когерентная теория истины, развитая неогегельянцами и затем воспринятая некоторыми логическими позитивистами, предлагает альтернативу: истина есть свойство непротиворечивости и согласованности высказывания с некоторой системой уже принятых утверждений. Thomas Kelly (Princeton University) в своей работе «The Epistemic Significance of Disagreement» (2005) показывает, что признание конвенциональной природы истины не ведёт к полному релятивизму, а когнитивные искажения не всегда исключают знание [9]. Однако когерентная теория оказывается уязвимой для критики: можно построить две различные, внутренне когерентные, но несовместимые друг с другом системы (например, эвклидову и неэвклидову геометрии), и когерентизм не даст критерия для выбора между ними.

7. Кун и социология науки: истина как коллективная конвенция

Решающий перелом в понимании истины происходит с выходом в 1962 году книги Томаса Куна «Структура научных революций».

Кун показывает, что развитие науки не является кумулятивным накоплением истин, а представляет собой смену парадигм — целостных мировоззренческих и методологических установок, разделяемых научным сообществом. Парадигма определяет, что считать фактом, какие методы допустимы и какие теории принимаются. Переход от одной парадигмы к другой совершается не через логическое доказательство превосходства новой теории (поскольку критерии сравнения сами парадигмально нагружены), а через своего рода «гештальт-переключение» и убеждение сообщества [10].

Из этого следует, что истина перестаёт быть независимой от исследователя и оказывается функцией коллективного соглашения — конвенции — внутри научного сообщества. Miriam Solomon (Temple University) развивает эту идею в своей теории эмпирического принятия решений, показывая, что «договор» — это не единый акт, а результат конкурентной борьбы между исследовательскими программами [11].

Kevin Zollman (Carnegie Mellon University) с помощью теории игр и сетевого анализа моделирует, как именно коммуникационные структуры влияют на способность научного сообщества достигать консенсуса [12].

8. Истина как договор и коммуникативная истина через организационные системы

Куновская концепция научных революций открывает прямой путь к пониманию истины как договора, или, в более строгой терминологии, как конвенции, устанавливаемой научным сообществом.

Этот подход получил название «конвенционализма» и восходит ещё к Анри Пуанкаре, утверждавшему, что геометрические аксиомы не являются ни синтетическими априорными истинами (как у Канта), ни эмпирическими обобщениями; это — замаскированные определения, принимаемые по соглашению. Однако Пуанкаре сохранял веру во внеопытную реальность, тогда как последующие социологи науки делают следующий шаг: сам выбор между конвенциями детерминирован не только логическими или эмпирическими соображениями, но и социальными факторами — авторитетом учёных, распределением ресурсов, институциональной структурой, политическими и идеологическими контекстами.

Steve Fuller (University of Warwick) в своей социальной эпистемологии и теории модальной власти (modal power) утверждает, что пост-правда — это не кризис истины, а её плюрализация; истина как договор есть результат конкуренции между внутренне согласованными дискурсами за установление границ необходимого [13].

Особый случай договора об истине представляет собой коммуникативную истину, реализуемую не через прямые дискуссии, а через организационные системы, которые кодируют критерии признания и меняют поведение людей.

Классическим примером служит индекс Хирша (h-index). В терминах синергетики Германа Хакена индекс Хирша выступает как параметр порядка — макроскопическая переменная, которая возникает из хаоса индивидуальных микровыборов (куда опубликовать, на кого ссылаться, кому дать грант), а затем начинает подчинять себе эти микровыборы, определяя поведение всей системы.

Подобно тому как в лазере амплитуда когерентного поля заставляет миллионы атомов излучать синхронно, индекс Хирша, однажды закреплённый в системе оценки, превратился из измерительного инструмента в управляющий фактор. Он подчинил себе все другие измерения научной деятельности — глубину, оригинальность, практическую применимость, педагогический талант — и перестроил вокруг себя институциональную структуру: журналы, грантовые фонды, карьерные траектории [14–18].

В этой логике «истинным» считается то, что опубликовано в журналах с высоким импакт-фактором и написано авторами с высоким индексом Хирша.

Истина становится коммуникативным продуктом, верифицируемым не через соответствие реальности, а через соответствие формальным показателям признания внутри научного сообщества.

Договариваться об истине можно опосредованно — через организационные системы и архитектуры, которые кодируют параметры порядка. Это и есть «молчаливый договор» о том, что считать достоверным знанием.

Данный пример допускает интерпретацию в духе вольной, но эвристически плодотворной трактовки кантовского «коперниканского переворота». Если у Канта априорные формы чувственности (пространство и время) и рассудка (категории) конституируют опыт естественного субъекта, то индекс Хирша может быть понят не как эмпирический феномен, фиксируемый в опыте учёного, а как трансцендентальный феномен в особом, социологически переосмысленном смысле.

Он не просто описывает научную активность — он организует социальное пространство-время академического сообщества, задавая координаты возможного признания, карьерного продвижения и распределения ресурсов. Именно эта организующая функция, предшествующая конкретным практикам публикации, цитирования и оценки, превращает индекс из инструмента измерения в априорную форму, конституирующую само поле научной деятельности.

Учёный действует не в нейтральном физическом пространстве, а в пространстве, искривлённом параметрами порядка — импакт-факторами, квартилями, h-индексами, — которые подобно кантовским категориям структурируют его восприятие того, «что есть настоящая наука», «куда стоит публиковаться», «с кем стоит сотрудничать».

Таким образом, инфраструктура и архитектура показателей науки оказываются не просто конвенцией, но трансцендентальным условием возможности самого существования учёного как субъекта, признанного научным сообществом, и условием способности его к суждениям.

В цифровой публичной сфере аналогичную функцию выполняют алгоритмы вовлечённости: они усиливают контент, вызывающий гнев или злорадство, и тем самым формируют «молчаливый договор» о том, какая версия событий считается достоверной.

Как отмечает Лескова, «агрессия, подпитываемая анонимностью, становится формой цифрового самосуда, когда игнорируются презумпция невиновности и соразмерность» — что является прямым следствием аномического состояния, в котором формальные институты утратили доверие [19–28].

9. Постмодернисты и релятивизм истины

Постмодернистская философия (Жак Деррида, Мишель Фуко, Жан-Франсуа Лиотар) доводит этот релятивизм до логического завершения. Фуко показывает, что истина неразрывно связана с властью: дискурсы производят истины, которые легитимируют определённые социальные порядки и маргинализируют другие. Лиотар, анализируя состояние постмодерна, констатирует «крушение великих нарративов» — универсальных метарассказов о прогрессе, разуме и освобождении. На смену единой истине приходит множественность локальных языковых игр, каждая из которых имеет свои внутренние критерии достоверности.

Концепция «двойной паники» (Лескова, 2025) предлагает важный инструмент для анализа современной эпистемологической ситуации: одно и то же событие (свадьба Безоса-Санчес) порождает два конкурирующих нарратива угрозы — либеральный (угроза социальной справедливости) и консервативный (угроза праву собственности). Каждый из них соответствует критериям моральной паники по Коэну (обеспокоенность, враждебность, консенсус внутри группы, непропорциональность, неустойчивость), но при этом они несовместимы. Это демонстрирует, что в условиях медиаполяризации «истина как договор» не едина, а множественна: разные сообщества договариваются о разных версиях реальности, и эти договоры подпитывают друг друга через механизм взаимного отторжения [29].

Постмодернистский релятивизм, однако, сталкивается с самореферентным противоречием: если все истины относительны, то и само утверждение о релятивизме истины относительно; если же оно претендует на абсолютную истинность, то противоречит собственному содержанию. Keith Frankish (The Open University / University of Crete), известный своей теорией иллюзионизма о сознании, переносит конструктивный подход в когнитивную сферу: даже наше «Я» может быть конструкцией, что сближает социальный конструктивизм с когнитивным [15]. Это классическое возражение против радикального релятивизма остаётся весомым аргументом в пользу того, что отказ от истины как соответствия реальности не должен вести к отказу от любой идеи внесоциальной реальности.

10. Конструирование истины и Эдинбургская школа

Наиболее радикальная версия социологии научного знания была разработана представителями Эдинбургской школы во главе с Дэвидом Блуром (David Bloor, University of Edinburgh) и Барри Барнсом (Barry Barnes, University of Edinburgh). Их «сильная программа» (Strong Programme) в социологии знания утверждает, что истинность или ложность научных теорий должна объясняться одними и теми же социальными причинами — без асимметрии, когда истинные теории приписываются действию рациональных аргументов, а ложные — социальным искажениям. Как пишет Блур, объяснение научного знания должно быть каузальным, симметричным и рефлексивным (применяться к самому себе) [16].

Бруно Латур развивает акторно-сетевую теорию (ANT), согласно которой научные факты не открываются, а конструируются через сеть человеческих и нечеловеческих акторов (инструментов, материалов, технологий).

Истина — результат стабилизации сетей и закрытия «чёрных ящиков» [17]. Латур, однако, критикует радикальный социологизм Блура за недостаточное внимание к роли нечеловеческих акторов. Истина, согласно его подходу, не отражает реальность, а конструируется в процессе научных споров, переговоров и институциональных соглашений.

11. Что мы конструируем? Реальность или галлюцинацию?

Критики социального конструктивизма часто задают вопрос: если истина конструируется, то что же именно мы конструируем? Конструируем ли мы саму реальность? Или же мы конструируем лишь наши представления о реальности, а сама реальность остаётся независимой от наших конструкций? Если последнее верно, то конструкционизм не так радикален, как кажется: он просто напоминает о социальной природе знания, не отрицая существования трансцендентной реальности.

Nancy Cartwright (Durham University / UC San Diego) в своей концепции «номологических машин» утверждает, что истинность законов науки зависит от контекстуальных условий; она выступает против универалистских теорий истины [18]. С точки зрения Картрайта, мы конструируем не реальность, а её локальные, контекстно-зависимые модели. Если же верен радикальный конструктивизм, то он впадает в солипсизм или в «эпистемологический идеализм», при котором невозможно отличить конструкцию, адекватную реальности, от галлюцинации.

В самом деле, если научная теория о вирусах есть лишь социальная конструкция, то как объяснить, что вакцины работают? Работают же они не потому, что учёные договорились считать их работающими, а потому, что заболеваемость объективно снижается.

Этот аргумент «эмпирического успеха» остаётся серьёзным вызовом для радикального конструктивизма. Однако умеренный конструктивизм (к которому можно отнести и Philip Kitcher [3]) может ответить, что сам факт успеха вакцинации не доказывает корреспондентной истинности теории вирусов, а лишь демонстрирует эффективность определённых практик в определённом контексте.

Корреспондентная теория конструирования истины страдает упрощением, поскольку предполагает одностороннее отношение между познающим субъектом и познаваемым объектом.

В кантианской традиции конструируется не просто объект и не просто субъект познания в отдельности — происходит дуальное, двустороннее конструирование.

С одной стороны, конструируется сам опыт как единство чувственного многообразия, подведённого под априорные формы.

С другой стороны, конструируются и сами доопытные формы (пространство, время, категории), которые у Канта были неизменными и врождёнными, но в современной социологически ориентированной эпистемологии понимаются как исторически изменчивые, социально институционализированные и проектируемые структуры. Иными словами, субъект познания не предшествует опыту в качестве готовой сущности — он сам конституируется в акте трансцендентальной апперцепции, который одновременно есть акт синтеза многообразия.

Аналогичная логика работает и в гештальт-психологии. В классических экспериментах гештальт-психологов (Макс Вертгеймер, Вольфганг Кёлер, Курт Коффка) конструируется не только фигура, которая выступает на передний план восприятия, но и её фон — то есть те структуры, которые делают возможным само выделение фигуры.

Без фона нет фигуры; фон и фигура конституируют друг друга в акте перцептивного гештальтирования.

Перенос этой логики на социальную эпистемологию означает, что конструирование истины никогда не сводится к конструированию отдельных утверждений («фигур»).

Оно всегда включает конструирование того фона, на котором эти утверждения обретают смысл, легитимность и убедительность: системы авторитетов, устоявшиеся методологические нормы, репутации экспертов, престиж журналов, алгоритмы вовлечённости, распределение грантов и т. д. Как будет показано на примере маркетингового кейса с сахаром, корпорации не просто публиковали отдельные статьи — они перестраивали весь фон диетологического дискурса, меняя то, что может быть сказано, кем и с какой степенью уверенности.

Именно поэтому критика конструктивизма, которая требует ответа на вопрос «что именно конструируется?», должна учитывать эту дуальность: конструируется не реальность и не представление о реальности по отдельности, а сама возможность опыта как неразрывное единство фигуры и фона, объекта и условий его восприятия, эмпирического содержания и трансцендентальных форм.

12. Маркетинговая истина, глобальная ошибка выжившего и антропная тень

Особый случай конструирования истины представляет собой феномен, который следует обозначить как «маркетинговую истину». В отличие от фундаментальной науки, где конвенции устанавливаются в ходе дискуссий, ориентированных на достижение максимально объективного знания, в маркетинге истина конструируется с прямой целью влияния на поведение потребителей. Маркетинговая истина не просто описывает реальность — она создаёт такую версию реальности, которая выгодна продавцу. При этом используются все доступные средства: от манипуляции статистикой до создания иллюзии научного консенсуса.

Lee McIntyre (Boston University) в своей работе о пост-правде (post-truth) различает «ложь» и «пост-правду»: в пост-правде истина не отрицается, а объявляется нерелевантной [21]. Маркетинговая истина — это частный случай пост-правды, когда корпоративные интересы систематически смещают представления потребителя в пользу определённого продукта, часто в ущерб здоровью, экономической рациональности или долгосрочному благополучию.

Ник Бостром и Милан Чиркович (совместно с Андерсом Сандбергом) формализовали феномен, который они назвали «антропной тенью» (anthropic shadow). Суть его предельно жестока: история — это не объективная хроника событий, а протокол наблюдений того, кто остался жив. Мы видим, исследуем и анализируем только успешные исходы, потому что неудачники не оставляют записей, а свидетельства фиксируют только выжившие. Это и есть когнитивное искажение, известное как «ошибка выжившего» (survivorship bias) [22].

В применении к корпоративной науке и маркетингу это означает следующее. Компании заказывают и финансируют исследования исключительно среди выживших и благополучных. Они изучают, почему один продукт продаётся лучше другого, почему потребитель возвращается к бренду, какие упаковки вызывают положительные эмоции. Они не финансируют исследования того, почему их потребители умирают раньше, почему у детей, выросших на их продуктах, в двадцать лет развивается жировая болезнь печени, почему диабет стал новой нормой. Потому что мёртвые не покупают.

Ошибка выжившего в действии: корпорации смотрят на тех, кто всё ещё на рынке (кто жив, кто платит, кто потребляет), экстраполируют их поведение как «норму» и строят на этом

бизнес-модели, игнорируя тех, кто выбыл из потребительской гонки — умер, стал инвалидом, потерял трудоспособность или просто слишком болен, чтобы идти в супермаркет.

Антропная тень накрывает исследования ровно в тот момент, когда вопрос смещается от «как продать больше» к «что на самом деле происходит с телами и жизнями». Первый вопрос даёт прибыль сегодня. Второй — может разрушить всю отрасль завтра. Поэтому корпорации выбирают ту реальность, которую могут измерить в долларах, и не замечают ту, которую измеряют в преждевременных смертях. Селективный отбор фактов (*cherry picking*) в этом контексте — не случайная ошибка, а систематическая стратегия исключения из выборки тех наблюдений, которые ставят под сомнение продукт. Это и есть глобальная ошибка выжившего в симбиозе маркетинга и науки: мы изучаем только тех, кто выжил, и объявляем их опыт нормой, хотя на самом деле это — исключение, пропущенное через фильтр корпоративного интереса.

Феномен «компенсаторного альтруизма», описанный Лесковой [20] на примере экологических жертвований элит, имеет прямую аналогию в корпоративной науке: финансирование исследований, которые подтверждают желаемый вывод, при одновременном игнорировании неудобных данных.

В обоих случаях формально корректные действия (жертвование / публикация в рецензируемом журнале) служат инструментом репутационного менеджмента, маскирующим системное искажение. Это — не фальсификация в узком смысле, а более тонкая практика конструирования «маркетинговой истины».

13. Кейс: маркетинговое конструирование полезных сладких завтраков и вредных жиров

Классическим примером маркетинговой конструкции истины, работающей через механизмы антропной тени и селективного отбора фактов, служит история продвижения сладких завтраков и демонизации жиров во второй половине XX века.

В 1960–1970-е годы пищевая промышленность, особенно производители сахара, через свои торговые ассоциации (Sugar Research Foundation) финансировали научные исследования, которые избирательно представляли доказательства того, что насыщенные жиры являются главной причиной сердечно-сосудистых заболеваний, а сахар — лишь источником «пустых калорий» без специфического вреда.

David B. Resnik (NIEHS / East Carolina University), исследуя этику науки и конфликт интересов, показывает, как корпоративное финансирование искажает научные результаты, создавая систематическую предвзятость [23]. В случае с сахаром истина конструировалась через публикацию статей в престижных медицинских журналах, где авторы сознательно занижали связь сахара с болезнями сердца и преувеличивали роль холестерина. В результате на десятилетия сложился медицинский консенсус, рекомендовавший низкожировые диеты с высоким содержанием углеводов, что привело к буму «обезжиренных» продуктов, в которые для вкуса добавляли большие количества сахара.

Лишь в 2010-е годы, когда стали доступны внутренние документы корпораций и был проведён ретроспективный анализ данных [24], выяснилось, что эта «научная истина» была результатом селективного отбора фактов в пользу заказчика. Истина, которую десятилетиями пропагандировали как объективную, оказалась корпоративно сконструированной. Примечательно, что процедурно эта истина не отличалась от «нормальной науки»: были публикации в рецензируемых журналах, экспертные мнения, рекомендации государственных органов. Отличие заключалось в систематическом сокрытии финансирования, в подавлении неудобных

результатов и в агрессивном маркетинге, выдававшем корпоративный интерес за общественное благо.

Возвращаясь к кантовской интерпретации рассмотренного кейса, можно предположить, что «истина» о вреде жиров и пользе сахара была сконструирована не столько через прямое искажение фактов, сколько через создание особого социального пространства-времени, в котором стал возможен как маркетинговый и потребительский, так и собственно научный опыт.

Социальное пространство задаёт правила социальной игры, формирует иерархию суждений (что считается авторитетным высказыванием, а что — маргинальным) и топологию селективного отбора фактов (какие данные попадают в фокус внимания, а какие остаются в «слепой зоне»). Иными словами, оно определяет, кто имеет право голоса, какие аргументы считаются убедительными, а какие — не заслуживающими рассмотрения.

Социальное время, в свою очередь, формирует механизмы воспроизводства токенов социальной реальности — устойчивых единиц опыта (например, «насыщенные жиры вредны», «сахар — это просто пустые калории»), из которых субъекты конструируют свои суждения и повседневный опыт. Эти токены воспроизводятся через повторяющиеся практики: публикации в авторитетных журналах, диетологические рекомендации, рекламные кампании, образовательные программы.

Благодаря этому механизму сконструированная истина обретает статус самоочевидности: она перестаёт восприниматься как продукт чьих-то интересов и начинает казаться простым описанием реальности. Кантовский вопрос «как возможен опыт?» получает здесь развёрнутый ответ: опыт возможен как маркетингово-сконструированный, когда его априорные формы — пространство авторитетов и время воспроизводства токенов — предварительно переопределены в интересах корпоративного заказчика.

Корпорации и обслуживающие их научно-исследовательские структуры не просто публиковали подконтрольные статьи — они формировали априорные условия восприятия, в рамках которых определённые утверждения начинали казаться самоочевидными. Иными словами, была изменена не столько сумма фактических знаний, сколько онтология поля — то, что может быть сказано, кем, в каком контексте и с какой степенью легитимности.

Говоря метафорами гештальт-психологии, был сконструирован фон, на котором потребители (а зачастую и сами учёные) смогли распознать фигуру маркетинговой истины. Фон — это система авторитетов, устоявшиеся диетологические рекомендации, репутации «независимых» экспертов, престиж журналов, публикующих «прорывные» исследования. Фигура — конкретное утверждение «жиры вредны, сахар безопасен». Как в классических экспериментах гештальт-психологов невозможно воспринимать фигуру иначе, чем на некотором фоне, так и маркетинговая истина становится неотличимой от научной именно потому, что фон был перестроен таким образом, чтобы фигура выступила с максимальной отчётливостью. Учёный, действующий в этом поле, уже не нуждается в сознательном искажении данных — он просто воспроизводит нормы, ритуалы и критерии значимости, заданные сконструированным социальным пространством-временем. Кантовский вопрос «как возможен опыт?» получает здесь тревожный ответ: опыт возможен как маркетингово-сконструированный, если предварительно переопределены его априорные формы.

Эта история демонстрирует работу глобальной ошибки выжившего в чистом виде: в исследования включались только те пациенты, чьи показатели не противоречили корпоративному нарративу; те, у кого развивались осложнения, либо исключались из выборки, либо их данные интерпретировались как «индивидуальные особенности», не имеющие статистического значения. Антропная тень скрыла от наблюдателя реальную цену «полезных» завтраков — миллионы преждевременных смертей от метаболических заболеваний, диабета, сердечно-сосудистых патологий.

По мнению Лесковой [20], свадьба Безоса-Санчес (2025) демонстрирует, как частное событие глобальных элит становится публичным текстом, в котором «читаются» глубинные конфликты современности. Медийная репрезентация этого события с гендерным дисбалансом (демонизация Санчес vs. романтизация Безоса) показывает, как «договор об истине» кодируется не через аргументацию, а через визуальные и нарративные паттерны, усиленные алгоритмами платформ. В терминах синергетики, медиа-алгоритмы выступают как «параметры порядка», подчиняющие микровыборы пользователей и формирующие макроскопическую картину «общественного мнения» [14].

14. Научная коррупция: селективный отбор фактов и проблема отличия от добросовестной дискуссии

Рассмотренный кейс является частным, но далеко не единственным случаем институционализированного искажения истины, которое можно квалифицировать как форму научной коррупции. В отличие от подделки данных (фальсификации), селективный отбор фактов (*cherry picking*) представляет собой более тонкую, но не менее разрушительную практику. Cailin O'Connor (University of California, Irvine) и James Weatherall в своей книге «The Misinformation Age» показывают, как конкуренция между исследователями может порождать «информационные каскады» и распространение ошибочных убеждений [25].

Исследователь или группа исследователей, финансируемая корпорацией, отбирает из всего массива данных только те, которые подтверждают желаемый вывод, игнорируя противоречивые. Методологически это может быть оформлено как *post-hoc* анализ подгрупп, как выбор определённых конечных точек исследования или как публикация только положительных результатов (*problem of file drawer*). В совокупности эти практики создают иллюзию научного консенсуса там, где на самом деле консенсуса нет, и формируют «маркетинговую истину», которая вытесняет из публичного пространства более взвешенную и объективную картину.

Особую тревогу вызывает то, что селективный отбор фактов трудно отличить от добросовестной научной дискуссии. Даниэль Канеман (Princeton University), нобелевский лауреат, исследовавший когнитивные искажения, показал, как человеческий разум систематически отклоняется от рациональности в оценке вероятностей и принятии решений [26]. Разница лишь в том, что в маркетинговом конструировании истины это смещение является не психологическим следствием искреннего убеждения, а целенаправленной стратегией, подчинённой коммерческой выгоде. Gerd Gigerenzer (Max Planck Institute for Human Development), в отличие от Канемана, утверждает, что эвристики не являются искажениями, а адаптивными инструментами экологической рациональности [27]. Проблема усугубляется тем, что современная система научных публикаций и финансирования создаёт стимулы для публикации ярких, неожиданных и коммерчески значимых результатов.

15. Проблема остаётся: ключевые напряжённости

Проведённый анализ позволяет сформулировать несколько ключевых напряжённостей, которые остаются неразрешёнными в современной дискуссии об истине.

Первое напряжение возникает между корреспондентной и конвенциональной теориями истины. Howard Sankey [8] и другие научные реалисты настаивают на независимости реальности от наших теорий. С другой стороны, философский и исторический анализ науки убедительно показывает, что доступ к этой реальности всегда опосредован теоретическими и социальными конструктами.

Второе напряжение касается границ демаркации. Если истина конвенциональна, то как отличить науку от псевдонауки, а добросовестное исследование от корпоративно-маркетинговой конструкции? Попперовский критерий фальсифицируемости предлагает один из вариантов демаркации, но, как показали Кун и его последователи, сама фальсификация зависит от парадигмальных допущений. Philip Kitcher [3] предлагает различать «истину» и «обоснованное убеждение», утверждая, что демократически организованная наука может производить обоснованные убеждения, даже если их корреспондентная истинность остаётся под вопросом.

Третье напряжение связано с нормативностью. Если истина — всего лишь договор, то почему мы должны предпочитать научный договор маркетинговому? Hugo Mercier (Institut Jean Nicod, CNRS) в своей аргументативной теории рассуждения (*argumentative theory of reasoning*) показывает, что рассуждение эволюционировало не для поиска истины, а для убеждения других и проверки собственных выводов в аргументативном контексте [28]. Однако это не означает, что любой договор одинаково хорош: аргументативный обмен при определённых условиях ведёт к лучшим эпистемическим результатам.

Четвёртое напряжение вытекает из практики. Современное общество сталкивается с глобальными вызовами — изменение климата, пандемии, экологические катастрофы. Lee McIntyre [21] показывает, что реагировать на них невозможно без признания существования объективной истины, не зависящей от нашего соглашения. Если истина — лишь договор, то договором же можно объявить и то, что парниковые газы не влияют на климат, и что вакцины бесполезны. Однако цена такого договора — реальная жизнь людей.

16. Выход: кантовское различие опыта и доопытных форм, переход к логированию при архитектурной истине

Выход из описанных напряжённостей, вероятно, лежит на пути возвращения к кантовскому различению эмпирического (опытного) и трансцендентального (доопытного), но с существенной модификацией, продиктованной социологическим поворотом в эпистемологии.

У Канта априорные формы чувственности (пространство и время) и рассудка (категории) были универсальными, неизменными и врождёнными структурами, конституирующими опыт любого разумного существа. Однако современный анализ социального конструирования истины показывает, что эти «доопытные формы» не даны раз и навсегда — они конструируются, воспроизводятся и изменяются через архитектуру показателей, социальные институты и коллективные конструкты.

Социальные институты (университеты, грантовые фонды, редакционные коллегии, дисциплинарные сообщества) выступают как коллективные носители и легитиматоры этих доопытных форм. Они не просто применяют критерии оценки — они переопределяют саму онтологию поля: что может быть сказано, кем, в каком контексте и с какой степенью легитимности. Институциональный договор об истине предшествует индивидуальному опыту учёного, аналогично тому, как у Канта пространство и время предшествуют чувственному восприятию, формируя два дуальных уровня социального конструирования.

Первый уровень — социальное конструирование опыта как единства чувственного многообразия, подведённого под уже существующие (пусть и сконструированные ранее) доопытные формы. Это уровень эмпирического познания: восприятие, категоризация, формирование суждений, выработка научных теорий. На этом уровне действуют учёные, инженеры, эксперты — агенты, которые принимают текущие доопытные формы как данность и работают внутри них.

Второй уровень — онтологическое конструирование самих доопытных форм, которые делают опыт возможным. Это уровень трансцендентальной инженерии: проектирование архитектуры показателей (индексов цитирования, импакт-факторов, рейтингов), институциональное оформление критериев признания, разработка алгоритмических протоколов платформ. На этом уровне действуют не отдельные учёные, а научные сообщества, грантодатели, издательства, разработчики платформ, регуляторы — те коллективные акторы, которые задают априорные условия для познавательной деятельности всех остальных.

Именно это различие позволяет избежать релятивистской ловушки: признание конвенциональной природы истины на уровне доопытных форм не означает произвольности на уровне опыта. Учёный, работающий внутри заданной архитектуры показателей, не может по своему усмотрению объявить «истиной» любое утверждение — он подчиняется правилам игры, которые на данном историческом этапе являются конститутивными для его дисциплины.

Однако эти правила не являются вечными и неизменными: они могут быть пересмотрены, заменены или перепроектированы в результате коллективных действий на трансцендентальном уровне. Таким образом, дуализм конструирования открывает пространство для осмысленной эпистемологической реформы: мы не можем отменить конвенциональность истины, но мы можем сознательно и ответственно проектировать те доопытные формы, которые будут конституировать опыт будущих поколений исследователей.

Дуалистический конструктивизм утверждает не произвольность реальности, а неразрывную дуальность процесса познания: нет опыта без доопытных форм, но и доопытные формы не даны раз и навсегда — они могут быть пересмотрены, замещены и заново сконструированы (как в случае с индексом Хирша, который из инструмента измерения превратился в трансцендентальный феномен, организующий социальное пространство-время науки).

Коллективные конструкты (парадигмы, исследовательские программы, научные школы) завершают эту триаду, обеспечивая преемственность и трансляцию доопытных форм через поколения исследователей. В условиях цифровой поляризации и социальной аномии эти конструкты могут фрагментироваться, порождая множественные, несовместимые «договоры об истине», каждый из которых обладает собственной внутренней когерентностью [19; 20].

Таким образом, мы вынуждены признать, что доступ к онтологической реальности всегда опосредован эпистемологическими конструктами, которые сами являются продуктом социальных практик, институциональных решений и архитектуры показателей. Онтологически мы можем признавать существование независимой реальности, о которой делаем высказывания. Эпистемологически мы должны анализировать те доопытные формы, которые делают возможным сам опыт познания и конструирования истины в конкретном социально-историческом контексте.

В экономике платформ такого рода доопытными формами, определяющими опыт пользователей, выступают сами платформы — цифровые инфраструктуры, которые не просто опосредуют взаимодействия, но и конституируют априорные условия восприятия, оценки и верификации истины. Именно они задают архитектурные доопытные формы проявления истины: алгоритмы ранжирования, метрики вовлечённости, механизмы модерации, системы репутационных рейтингов. Эти формы определяют, какой контент будет замечен, какое утверждение получит распространение, а какое будет подавлено или маргинализировано. В этом смысле платформы выполняют ту же функцию, что и наукометрические показатели в академической среде: они структурируют социальное пространство-время цифровой публичной сферы, задавая координаты возможного признания и видимости.

Из этого анализа вытекает и конструктивное предложение по изменению самой архитектуры производства научного знания. Вместо монолитных «чёрных ящиков» университетских лабораторий, где данные могут быть изменены или подтёрты постфактум, мы предлагаем переход к децентрализованной платформенной модели: каждый этап эксперимента — от формулировки гипотезы до сырых показаний датчиков — становится независимым, версионизуемым и верифицируемым микросервисом [29].

Цифровые двойники исследований, существующие параллельно с реальными процессами, позволяют перепроверить результаты в любой момент без повторного запуска сложного и дорогостоящего оборудования. Такой подход уничтожает саму возможность «купить» готовый вывод, поскольку сеть логирования и блокчейн-слежки цифровых двойников гарантируют: если данные были изменены после фиксации, цифровой след подделки становится очевидным для всей сети, а не только для избранных рецензентов.

Современные технологии предоставляют инструменты, которые ещё десятилетие назад казались научной фантастикой, однако сегодня они могут и должны стать стандартом для грантодателей, научных фондов и венчурных инвесторов. Блокчейн в этой архитектуре выполняет роль вечного, не подлежащего редактированию регистратора событий, где каждый результат секвенирования или показания спектрометра получают временную метку и криптографический хеш, неразрывно связанный с предыдущим блоком. Системы централизованного логирования в связке с API-шлюзами платформы фиксируют каждое обращение к данным, позволяя в любой момент определить, кто и когда предпринимал попытку «поправить» статистику.

Однако технологии бессильны без подкрепляющих их правовых механизмов и горизонтального общественного контроля. Юридически значимый протокол смарт-контракта должен автоматически инициировать независимый аудит при любом расхождении между цифровым двойником и заявленными выводами. Краудсорсинговые платформы с верификацией репутации позволяют тысячам независимых учёных-волонтёров одновременно проводить пост-публикационное рецензирование, превращая науку из системы доверия к авторитетам в систему проверяемых доказательств.

Эта модель не отменяет договорной природы истины, но переопределяет условия договора: вместо неявных конвенций, основанных на репутации и авторитете журналов, мы получаем явные, программно реализованные и криптографически защищённые протоколы верификации. Доопытные формы здесь уже не заданы монолитной институциональной структурой — они проектируются, открыто обсуждаются и могут быть изменены по мере накопления опыта. В этом и состоит следующий шаг развития эпистемологии после социологического поворота: от конструирования истины через неявные договоры — к конструированию истины через верифицируемые и прозрачные платформенные протоколы.

В этом контексте происходит фундаментальный сдвиг: классическое понимание истины как договора между автономными субъектами — учёными, экспертами, членами научного сообщества — смещается к истине как договору, опосредованному платформой. Платформа здесь выступает не просто техническим посредником, а активным конструктором доопытных форм, которые предшествуют любому акту коммуникации и познания.

Именно платформа задаёт координаты социального пространства (кто имеет право высказываться, какой контент получает приоритетное распространение, какие репутационные метрики легитимны) и ритмы социального времени (скорость распространения информации, периодичность переоценки репутаций, сроки публикации и рецензирования, временные окна для апелляции к решениям).

Таким образом, договор об истине заключается уже не напрямую между субъектами, а через платформу, которая определяет априорные условия возможности самого договора. Участники платформы не выбирают эти условия — они вынуждены им подчиняться, если хотят быть признанными в качестве легитимных производителей знания. Это означает, что доопытные формы, о которых писал Кант, перестают быть универсальными и неизменными; они становятся локальными, платформенно-специфичными, исторически изменчивыми, но от этого не менее конститутивными для опыта. Истина в таком понимании — это не просто конвенция, а конвенция, закодированная в архитектуре платформы, которая пред-организует само поле возможных высказываний, оценок и верификаций.

Платформа становится тем априорным синтезом, который делает возможным и одновременно ограничивает любой акт познания внутри себя.

Истина как договор — это не утверждение о произвольности знания, а напоминание об ответственности научного сообщества за те доопытные формы, которые оно конструирует, поддерживает и транслирует. В этом смысле «истина как договор» не отменяет, а дополняет корреспондентную теорию: мы не можем знать, что соответствует реальности, иначе как через коллективную процедуру критической проверки, которая сама есть социальная практика, организованная определённой архитектурой показателей и институциональными структурами.

Договор — не замена истины, а её единственно доступный человеческий механизм, который всегда уже предполагает некоторую доопытную форму, конституирующую пространство возможного опыта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lynch M.P. *Truth in Context: An Essay on Pluralism and Objectivity*. — Cambridge, MA: MIT Press, 1998. — 184 p.
2. Blackburn S. *Truth: A Guide*. — Oxford: Oxford University Press, 2005. — 272 p.
3. Kitcher P. *Science, Truth, and Democracy*. — Oxford: Oxford University Press, 2001. — 240 p.
4. Longino H.E. *Science as Social Knowledge: Values and Objectivity in Scientific Inquiry*. — Princeton: Princeton University Press, 1990. — 296 p.
5. Декарт Р. Размышления о первой философии // Декарт Р. Сочинения: в 2 т. / под общ. ред. В.В. Соколова. — М.: Мысль, 1994. — Т. 2. — С. 3–72. — (Философское наследие). — ISBN 5-244-00728-9.
6. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского; под ред. В.Ф. Асмуса. — М.: Мысль, 1994. — 591 с. — (Классическая философская мысль). — ISBN 5-244-00436-0.
7. Поппер К. Логика и рост научного знания: избр. работы / пер. с англ.; под ред. В.Н. Садовского. — М.: Прогресс, 1983. — 605 с. — (История и философия науки).
8. Sankey H. Realism and the Epistemic Objectivity of Science // *Kriterion — Journal of Philosophy*. — 2021. — Vol. 35, No. 1. — P. 5–23. — DOI: 10.1515/krt-2021-0002.
9. Kelly T. The Epistemic Significance of Disagreement // *Oxford Studies in Epistemology* / ed. by T. Szabó Gendler, J. Hawthorne. — Oxford: Oxford University Press, 2005. — Vol. 1. — P. 167–196.

10. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И.З. Налетова; под ред. С.Р. Микулинского, Л.А. Марковой. — 2-е изд. — М.: Прогресс, 1977. — 300 с. — (История и философия науки).
11. Solomon M. Social Empiricism. — Cambridge, MA: MIT Press, 2001. — 272 p.
12. Zollman K.J.S. The Communication Structure of Epistemic Communities // *Philosophy of Science*. — 2007. — Vol. 74, No. 5. — P. 574–587. — DOI: 10.1086/525618.
13. Fuller S. Social Epistemology. — Bloomington: Indiana University Press, 1988. — 344 p.; Fuller S. Post-Truth: Knowledge as a Power Game. — London: Anthem Press, 2018. — 248 p.
14. Хакен Г. Синергетика / пер. с нем. и англ. — М.: Мир, 1980. — 404 с. — (Современные проблемы физики).
15. Frankish K. Illusionism as a Theory of Consciousness // *Journal of Consciousness Studies*. — 2016. — Vol. 23, No. 11–12. — P. 11–39.
16. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. — London: Routledge, 1976. — 156 p.
17. Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. — Princeton: Princeton University Press, 1986. — 294 p.
18. Cartwright N. The Dappled World: A Study of the Boundaries of Science. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999. — 258 p.
19. Лескова И.В. Коллективная агрессия как феномен социальной аномии в цифровую эпоху // *Вестник Евразийской науки*. — 2026. — Т. 18, № 1. — Ст. 52. — URL: <https://esj.today/PDF/52ECVN126.pdf> (дата обращения: 25.05.2026). — DOI: 10.15862/52ECVN126.
20. Лескова И.В. Теория двойной паники в действии: свадьба Безоса-Санчес (2025) как катализатор поляризации общества // *Вестник Евразийской науки*. — 2025. — Т. 17, № 4. — Ст. 24. — URL: <https://esj.today/PDF/24ECVN425.pdf> (дата обращения: 25.05.2026). — DOI: 10.15862/24ECVN425.
21. McIntyre L. Post-Truth. — Cambridge, MA: MIT Press, 2018. — 240 p.
22. Ćirković M.M., Sandberg A., Bostrom N. Anthropoc Shadow: Observation Selection Effects and Human Extinction Risks // *Global Catastrophic Risks* / ed. by N. Bostrom, M. M. Ćirković. — Oxford: Oxford University Press, 2008. — P. 308–334.
23. Resnik D.B. The Price of Truth: How Money Affects the Norms of Science. — Oxford: Oxford University Press, 2007. — 240 p.
24. Kearns C.E., Schmidt L.A., Glantz S.A. Sugar Industry and Coronary Heart Disease Research // *JAMA Internal Medicine*. — 2016. — Vol. 176, No. 11. — P. 1680–1685. — DOI: 10.1001/jamainternmed.2016.3741.
25. O'Connor C., Weatherall J. O. The Misinformation Age: How False Beliefs Spread. — New Haven: Yale University Press, 2019. — 280 p.
26. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро / пер. с англ. — М.: АСТ, 2014.
27. Gigerenzer G. Gut Feelings: The Intelligence of the Unconscious. — New York: Viking, 2007. — 288 p.
28. Mercier H., Sperber D. The Enigma of Reason. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2017. — 408 p.

29. Тарасенко В.В. Проектируя науку будущего: кластерно-микросервисная архитектура познания как предмет государственной политики развития научных платформ и цифровых экосистем // Политконсультант. — 2026. — Т. 6, № 1. — Ст. 04. — URL: <https://politicjournal.ru/PDF/04PK126.pdf> (дата обращения: 25.05.2026).

Tarasenko Vladislav Valerievich

Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Moscow, Russia
E-mail: v5093075@gmail.com

The sociological turn: truth as a contract

Abstract. The article analyzes the evolution of the concept of truth from the classical correspondence theory to contemporary sociological and constructivist conceptions. It examines the relationship between truth and the problem of demarcation of scientific and non-scientific knowledge, as well as the question of science's monopoly on truth. Special attention is paid to the «Strong Programme» of the Edinburgh School (David Bloor, Barry Barnes), Bruno Latour's actor-network theory, and contemporary discussions of post-truth, the marketing construction of truth, and scientific corruption. The concept of communicative truth implemented through organizational systems is introduced, using the Hirsch index as an order parameter (in terms of Hermann Haken's synergetics). A Kantian and Gestalt-psychological interpretation of the marketing construction of truth is proposed: the Hirsch index as a transcendental phenomenon organizing social space-time, and the reconstruction of the background for recognizing the figure of marketing truth. Using the case study of the sugar industry, it is demonstrated how cherry-picking creates the illusion of scientific consensus; the concepts of «global survivor bias» and «anthropic shadow» are introduced to explain the systematic distortion of truth in the symbiosis of marketing and science. Leskova's concept of «double panic» is used to explain how «truth as a contract» disintegrates into multiple incompatible conventions under conditions of digital polarization and anomie. The conclusion formulates key tensions between correspondence and conventional theories of truth and proposes a distinction between ontological and epistemological components as a possible path toward resolving these contradictions.

Keywords: truth; contract; social epistemology; Strong Programme; constructivism; post-truth; cherry picking; scientific corruption; demarcation of science; cognitive biases; falsifiability; order parameter; survivor bias; anthropic shadow; transcendental phenomenon; Gestalt psychology; double panic; social anomie